

Ганс Христиан Андерсен

Жаба

Колодец был глубок, веревка длинна, и когда вытаскивали полное ведро, ворот ходил туго. Как ни прозрачна была колодезная вода, никогда не играли в ней солнечные лучи — они попросту не достигали ее поверхности. А куда солнце заглядывало, пробивалась между камнями травка. Тут-то и проживало большое семейство жаб. Они были пришьлые, и, собственно говоря, первой, причем вверх тормашками, переселилась сюда самая старая жаба — она здравствовала и поныне. Зеленые лягушки, испокон веков обитавшие в колодце, признали жаб за родню и окрестили их "курортниками". Но жабы замыслили остаться здесь и обжились на "суше", как они называли мокрые камни.

Старой лягушке довелось разок совершить путешествие в ведре, когда его поднимали наверх. Но там ей показалось чересчур ярко — у нее даже глаза заломило. Ее счастье, что исхитрилась выпрыгнуть из ведра. Она с такой силой шлепнулась об воду, что потом слегла на три дня с болью в спине.

Много о мире наверху она рассказать, конечно, не могла, но, во всяком случае, и она, и все остальные знали, что колодец-это еще не весь мир. Вот старая жаба, та могла бы кое-что рассказать, но она никогда не отвечала на вопросы, ну ее и спрашивать перестали.

— Старуха-толстуха, бородавчатое брюхо! — говорили про жабу молоденькие зеленые лягушки.

— И дети все в нее.

— Очень может быть, — отзывалась жаба. — Зато у кого-нибудь из них, а то и у меня самой спрятан в голове драгоценный камень.

Зеленые лягушки слушали, таращили глаза и с досады передразнивали жабу, а потом бухались на дно колодца. А молодые жабы гордо вытягивали задние лапки. Каждая воображала, что драгоценный камень спрятан именно у нее. Они сидели смирнехонько, боясь даже голову повернуть, но в конце концов спросили, чем же им, собственно, гордиться и что это за драгоценный камень.

— Он такой дорогой и такой красивый, что и не описать, — отвечала старая жаба. — А носят его для собственного удовольствия, другим на зависть. Больше ни о чем не спрашивайте, не стану отвечать.

— Ну, уж у меня-то его нет, — сказала самая младшая из жаб, такая безобразная, что дальше некуда. — Да и откуда бы ему взяться у меня? А если другие завидуют, мне это вовсе не доставляет радости. Нет, чего бы мне хотелось, так это добраться когда-нибудь до края колодца и выглянуть на свет. То-то, должно быть, красота!

— Хорошо там, где нас нет, — сказала старая жаба. — Ты все тут знаешь, все тебе знакомо. Берегись ведра, оно может тебя раздавить. А уж если попадешь в него, так скорее выскакивай. Правда, не всем удастся упасть так удачно, как мне, — и кожа и кости целы.

— Ква! — сказала младшая жаба, а это все равно что "Ах!" по-нашему. Уж очень ей хотелось побывать наверху, поглядеть на белый свет, на зелень.

И вот наутро, когда полное ведро проходило мимо камня, на котором сидела молодая жаба, все внутри у нее так и затрепетало. Она прыгнула в ведро и упала на его дно. Ведро вытянули наверх и тут же выплеснули.

— Ах ты, чтоб тебя!.. — воскликнул работник, увидев жабу. — Сроду не видывал такой гадины! — И он так пнул ее носком деревянного башмака, что чуть не изувечил, но она все-таки успела забиться в высокую крапиву и стала озиаться вокруг. Крапива была густая — стебель к стеблю, и вот жаба посмотрела наверх. Солнце просвечивало сквозь листья крапивы, и для нее эти заросли были все равно что для нас лесная чаща со сверкающим между листьями и ветвями солнцем.

— Тут гораздо красивее, чем в колодце! Право, я готова остаться тут на всю жизнь! — сказала

жаба.

Прошел час, другой.

— Интересно, а что вокруг? Уж если я забралась так далеко, надо посмотреть и что дальше.

И она поползла что было сил и выползла к дороге. Солнце светило на жабу, пыль припудривала, а она знай себе ползла да ползла через дорогу.

— Вот где суша-то! — сказала она. — Пожалуй, тут даже слишком сухо. У меня першит в горле. Так добралась она до канавы. Здесь голубели незабудки, цвела таволга. Вдоль канавы тянулась живая изгородь из бузины и боярышника. Словно лианы, вился белый выюнок. Залюбоваться можно было всей этой пестротой. А еще порхала здесь бабочка. Жаба решила, что это тоже цветок, только он оторвался от стебля и хочет полетать по свету — чего же тут непонятного!

— Вот бы и мне так полетать! — вздохнула жаба. — Ква! Ах, какая красота!

Восемь дней и восемь ночей провела жаба в канаве, благо еды было вдоволь. А на девятый день сказала себе: "Вперед!" Что же манило ее? Разве могла она найти что-нибудь лучше? Может быть, маленькую жабу или зеленых лягушек? Сегодня ночью ветер донес звуки, говорившие о том, что где-то неподалеку были ее родичи.

"Жизнь прекрасна! Выбраться из колодца, полежать в крапиве, проползти по пыльной дороге, отдохнуть в сырой канаве-до чего же хорошо! Но теперь

— вперед! Поискать лягушек или молоденькую жабу! Без общества все-таки не обойтись, одной природы мало!"

И жаба снова пустилась в путь.

Она перебралась через поле, допрыгала до большого пруда, окруженного тростником, и заглянула в заросли.

— Вам здесь не слишком сыро? — спросили ее лягушки. — А впрочем, милости просим. Вы кавалер или дама? Ну да это все равно. Добро пожаловать!

Вечером ее пригласили на концерт — домашний концерт. Известное дело: много рвения, жидкие голоса. Угощенья никакого, зато питья — целый пруд, стало бы охоты.

— Теперь двинусь дальше! — сказала молодая жаба. Стремление к лучшему не покидало ее. Она видела звезды, такие большие и ясные, видела серп молодой луны, видела, как солнце поднимается все выше и выше.

"Пожалуй, я все еще в колодце, только в большом. Надо подняться еще выше! Мне так беспокойно, такая тоска на душе! — А когда луна округлилась и стала полной, бедняга жаба подумала: — Не ведро ли это спускается? Не прыгнуть ли в него, чтобы забраться выше? А может, и солнце — ведро, только покрупнее? Какое оно огромное, яркое! Мы все в нем поместимся. Надо ловить случай. Ах, как светло у меня в голове! Наверно, даже тот драгоценный камень не горит так ярко. Ну да такого камня у меня нет, и я об этом не горюю. Нет, выше, к свету и радости! Я уже решилась, но мне как-то страшно. Шутка ли сделать такой шаг! Но раз надо, так надо! Вперед! Вперед на дорогу!"

И она пошла, вернее, поползла, как ей и было положено, и выбралась на проезжую дорогу. Тут жили люди и было много цветочных садов и огородов, где росла капуста. Жаба остановилась отдохнуть перед огородом.

— Сколько же на свете разных тварей! Я даже и не подозревала! Ах, как велик и прекрасен мир! Вот и надо в нем осмотреться, а не сидеть все на одном месте. — И она прыгнула в огород. — Какая тут зелень! Какая благодать!

— Еще бы! — отозвался капустный червяк, сидевший на листке. — У меня здесь самый крупный листок закрывает полсвета. Ну да мне хватает.

— Кудах-тах-тах! — послышалось около них.

Это пожаловали в огород куры и засеменили между грядок. У курицы, шедшей первой, было очень острое зрение. Она заметила червяка на капустном листе и клюнула. Червяк упал на землю и ну вертеться да извиваться. Курица, не зная, что это должно означать, поглядела на червяка одним глазом, потом другим и решила: "Это он неспроста".

В конце концов она нацелилась склевать червяка. Жаба так испугалась, что поползла прямо на курицу.

— Эге, да он выдвигает резервы! — сказала курица. — Смотрите, какой ползун. — И курица отвернулась от червяка. — Очень мне нужен такой зеленый заморыш! От него только запершит в горле.

Остальные куры согласились с нею, и все ушли.

— Отвертелся-таки! — сказал червяк. — Вот как важно сохранять присутствие духа. Но самое трудное впереди — как вернуться на мой капустный лист. Где он?

А маленькая жаба подскочила к нему выразить свое сочувствие: мол, она так рада, что своим уродством спугнула курицу.

— О чем это вы? — спросил червяк. — Я отвертелся от нее без чужой помощи. Не угодно ли вам оставить меня в покое? А, вот и капустой пахнет. Вот и мой лист. Что может быть лучше собственного хозяйства? Надо только подняться повыше.

"Да! — сказала себе жаба. — Все выше и выше! Вот и червяк тоже так думает. Только он сейчас не в духе со страху. Все мы должны стремиться ввысь". И она задрала голову, как только могла.

На крыше одного крестьянского дома сидел в гнезде аист и щелкал клювом. Рядом сидела аистиха и тоже щелкала.

"Как высоко они живут! — подумала жаба. — Вот бы попасть туда!"

В доме у крестьянина жили два молодых студента. Один — поэт, другой — натуралист. Один радостно воспевал природу, как она отражалась в его сердце, — воспевал короткими, выразительными и звучными стихами. Другой вникал в самую суть вещей, так сказать, потрошил их. Оба были веселыми, добрыми людьми.

— Смотри-ка, жаба, да какой славный экземпляр! — воскликнул натуралист. — Так и просится в банку со спиртом.

— Да у тебя уже две сидят, — возразил поэт. — Оставь эту в покое. Пусть себе радуется жизни.

— Уж больно она безобразна! Просто прелесть! — сказал натуралист.

— Вот если б мы могли найти у нее в голове драгоценный камень, я бы сам помог тебе распотрошить ее.

— Драгоценный камень! — усмехнулся натуралист. — Силен же ты в естествознании.

— А разве не прекрасно это народное поверье, будто жаба, безобразнейшая из тварей, нередко таит в голове драгоценный камень? И разве не бывает того же с людьми? Ведь какие замечательные мысли носил в голове Эзоп или, скажем, Сократ...

Больше жаба ничего не услышала, да все равно она и половины разговора не поняла. Студенты пошли своей дорогой, а жаба ушла от беды — от банки со спиртом.

— И эти тоже толковали про драгоценный камень, — сказала жаба. — Хорошо, что у меня его нет, а то бы мне несдобровать.

На крыше дома опять защелкало. Это аист-отец читал лекцию своему семейству, а семейство косилось на двух студентов, расхаживавших по огороду.

— Нет на земле твари заносчивей человека! — говорил аист. — Слышите, как они тараторят? А по-настоящему-то у них все равно не получается. Они чванятся даром речи, своим человеческим языком. Хорош язык, нечего сказать. Чем дальше кто едет, тем меньше его понимают. А вот мы с нашим языком понимаем друг друга по всему свету, и в Дании, и в Египте. А они даже летать не

умеют! Правда, они умеют ездить по "железной дороге" — так они называли эту свою выдумку, — зато и шеи себе ломают частенько. Мороз по клюву подирает, как подумаешь. Свет простоял бы и без людей. Во всяком случае, мы прекрасно проживем и без них. Были бы только лягушки да дождевые черви.

"Вот это речь! — подумала молодая жаба. — Какой же он большой и как высоко забрался! Я еще никого на такой высоте не видела".

— А плавает-то как! — воскликнула жаба, когда аист полетел, широко взмахивая крыльями. Аистиха, оставшись в гнезде, продолжала болтать. Она рассказывала птенцам про Египет, про воды Нила и про то, какой чудесный ил в чужедальной стране. И для жабы все это было ново и занятно. "Я непременно должна побывать в Египте! — сказала она себе. — Ах, если б аист или кто-нибудь из его птенцов взял меня с собой. Уж я бы отслужила им в день их свадьбы. Да, я побываю в Египте — ведь мне всегда так везет. Право, моя тоска, мои порывы лучше всякого драгоценного камня в голове".

А ведь это-то и был ее драгоценный камень — ее вечная тоска, ее порывы ввысь, все время ввысь! Она как бы светилась изнутри, сияла счастьем, излучала радость.

Тут появился аист. Он заметил жабу в траве, спустился и схватил ее не слишком деликатно. Клюв сжался, засвистел ветер. Неприятно это было, зато жаба летела ввысь, ввысь, в Египет! Глаза ее сияли, из них как будто вылетела искра.

— Ква-ах...

Тело ее умерло, жабы не стало. Ну, а искра из ее глаз — куда девалась она?

Ее подхватил солнечный луч, солнечный луч унес драгоценный камень из головы жабы. Куда? Не спрашивай об этом натуралиста, спроси лучше поэта. Он ответит тебе сказкой. В этой сказке будут и капустный червяк, и семья аистов. И представь себе! Червяк-то превратится в красивую бабочку! Семья аистов полетит над горами и морями в далекую Африку, а потом найдет кратчайший путь обратно в датскую землю, на то же место, в тот же самый день! Да, это похоже на сказку, но это так! Спроси хоть у натуралиста, он подтвердит. Да ты и сам это знаешь, сам видел. Ну, а драгоценный камень из головы жабы?

Ищи его на солнце, посмотри на солнце, если можешь!

Блеск его слишком ярок. Не приспособлены еще наши глаза, чтобы разглядеть всю красоту мироздания, но когда-нибудь мы этого достигнем. И это будет всем сказкам сказка, потому что будет она про нас самих.